

Р. П. Чернов

6 МИФОВ СОВРЕМЕННОГО

ЛЮДОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Рустам Павлович Чернов

6 мифов современного.

Людологический обзор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24503531

ISBN 9785448536151

Аннотация

В книге проведен анализ мифа как управляющего начала современной цивилизации. Последовательно подвергаются критике фундаментальные ценности современного периода истории. В итоге автор приходит к выводу о том, что современное «разумное общество» столь же дико и первобытно управляемо мифами, как и 10 000 лет назад, а в некоторых случаях оно проигрывает первобытно-общинному, античному образу социальной организации. Для каждого, кто ищет ответ на вопрос, кто мы и куда идем...

Содержание

Предисловие	5
Миф №1. Новизна и прогрессивность	8
Конец ознакомительного фрагмента.	47

6 мифов современного Людологический обзор

Рустам Павлович Чернов

© Рустам Павлович Чернов, 2020

ISBN 978-5-4485-3615-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Для кого эта книга? Явно не для читателей эстетов словесности, структурирующих чтением время жизни. Она не для заполнителей душ, она для тех, кто устал чувствовать, что современное лжет, она для тех, кто желает в этом удостовериться. Миф это не сказка, не небылица, придуманная для нашего общего развития и подготовки к более основательному знанию. Миф, как и тысячи лет назад, – связующее бытия разнородности действительности. Сегодня мы настолько же мифологизированы и легендированы, как и 10 000 лет назад. Разница лишь в нашем оголтелом пренебрежении к прошлому, нашей уверенности, что сейчас явно не так, как тогда. Если архаичный человек, может быть, и отрицал прошлое как негативное, но нисколько не подвергал его существование сомнению, то современность приписала исключительно только себе право на существование как бытие, сведя все остальное к заблуждению и несерьезности, – фокус вполне в духе игрового времени. «Существует только то, что названо», – вот принцип мифологического бытия, нам необходимо понимать, что в современности является мифом, продуктом который, если и выдержит проверку временем, то будет восприниматься через несколько тысяч лет не более как сказка. Зачем это? Если мифы управляют как сегодня, так и тысячи лет назад? И разница лишь в том, что мы не осо-

знаем этого лишь потому, что нельзя увидеть свой глаз без чего – либо отражающего? Только благодаря тому, что есть *современность* – свобода выбора, данная от природы государственно, а не как форма личного мужества перед лицом фатума. Это тоже миф, но миф тем и миф, что он доступен подавляющему большинству тех, кто может его воспринять. Поэтому эта работа имеет право на свое существование только уже потому, что она может и значит должна объяснить тем, кого приносят в жертву почему это так происходит, ради чего. Я смею надеяться, что она может быть кого – то освободит от веры в необходимость самопожертвования, отваги ради богов мифов современности, которым просто нужны такие жертвы, ибо так считает Служитель культа современной мифологии.

Такое знание, по крайней мере, может быть предметом уверенности исторической сопричастности, что неминуемо облегчает страдания человеку, ищущему уникальность своей судьбы. Впрочем, те, кто идет до конца в области самопознания, самоидентификации прекрасно обойдутся и без нее.

Итак, далее мы расскажем о некоторых мифах, благодаря которым возможно структурировать современное бытие человека. Сразу оговоримся, что речь идет о западном человеке и отнюдь не в силу его географического местонахождения. Разделение Востока и Запада начинается там, где лежит разница в определении меры дозволенности знания о самом себе рядового члена общества, его места в системе управления

общественным. Как ни сложна данная проблема, но она видится именно в таком свете. Под современностью понимается весь тот период времени мифологии, который ознаменовался появлением представления о человеке как о носителе более менее завершенной картины мира, рождением представления о способности каждого мыслить о проблемах глобального и быть им сопоставленным на уровне гражданского управления. В числовом выражении 300—400 лет назад.

Что касается стиля написания данной работы, то отмечу, что она ни в коем случае не призвана доказать и тем более убедить. Все что в ней изложено результат моего личного переживания, который, я надеюсь, ни словом не претендует на объективность восприятия. Но сама нестройность и порочность сегодняшней наскоро скроенной мифологии послужит мне доказательством моей правоты. А свежесть некоторых исторических примеров недавнего прошлого – убежденностью.

Не затягивая больше объяснения вынужденности написания данной книги, предлагаю всем несколько отвлечься от жертвенного алтаря современности, и вместе подумать ради чего собственно мы сегодня живем и ради чего нас приносят в жертву.

Миф №1. Новизна и прогрессивность

Каждый, кто соприкасается с общественным, сталкивается с догмой идеологии современного – новое время, новое качество жизни, прогресс. Эти слова словно заклинания произносятся и употребляются таким образом, что не вызывают в нас и тени сомнения в том, что мы должны быть счастливы случаем рождения в современном мире. И пусть уже нет линейности времени как догмы развития и понимания, но современный человек невозможен без *позитивного отношения к прогрессу*. При этом позитивное уже видится в самом изменении. Лишенный методологии познания мира, лишенный всего, что может быть положено в основу стабилизации собственности суждения относительно мира, единственно, что остается современному человеку – это мир вещей в его изменении и изменчивости, в котором и обнаруживается улучшение, новизна и прогрессивность, которые по сути сегодня являются синонимами. Уверенность в качественно ином уровне жизни сегодня по сравнению с минимальным прошлым, не говоря уже о столетиях, – вот априори жизни современного. Сегодня качественность действия обязательно должна отвечать критериям новизны, иначе невозможно говорить о прогрессе, а соответственно целесообразно

ности. Целью любого развития в мире вещей является необходимое улучшение ранее достигнутого.

Современного человека приучили к тому, что все то, что было до Научно – технической революции – однозначно плохо и деструктивно, что сегодня имеется нечто «такое», что в высшей степени лучше предыдущего. Идея прогресса и вечного улучшения инфицирует любую сферу современного.

Как и любая субстанция, пребывающая в рамках своей бытийности исключительно в области идеального (бытие в возможности), данная идея требует своей реализации столь же постоянно, сколь и всеобъемлюще ее значение и объем распространения. Но ежедневность вряд ли может служить достаточным основанием для подтверждения этой идеи, человеку вообще свойственно проживать жизнь в свидетелях своего медленного и верного умирания, не говоря уже о сопутствующих факторах (потрясения, нервные срывы, алкоголизм, психические заболевания и прочее). Поэтому единственным, в чем идея всеобщего прогресса может найти свою реализацию является мир вещей, при чем не просто вещей, а вещей, крепко увязанных с тотемностью успешности и улучшенности (столь любимое современное понятие – «бренд»). Эта погоня за лучшим в отрыве от функциональности приводит к понятию потребительства современной цивилизации, но проблема глубже. Культ потребления сегодня – это лишь пагубное следствие привитой нам идеи

прогрессивности. И, если на заре XX-го века человек старого света был раздавлен научно – техническим прогрессом и личность, как таковая, перестала быть вообще значимой, что позволило появиться таким теориям преобразования как коммунизм и фашизм, – то сегодня идея прогресса, запущенная в холостую разрушает жизнь индивидуальности, не кооптируя ее ни во что больше, кроме как в идею собственности удовлетворения потребностей. Своего рода рабство желаний быть соответственным, подобным, в то время как все, что есть у тебя, все твои способности все чем наделен ты от природы может пониматься как условие встречаемости тебя социуму.

Только современность повысила включенность времени в жизнь обычного человек до абсолюта. Все поделено на часы, минуты, секунды. Все в человеке уравновешено относительно рационального использования данного времени, при этом относительность времени как продуцируемость системы отсчета времени далеко не медиатизирована и не вплетена в сознание современности. В итоге в современном новое и прогрессивное неразрывно связано с пониманием прошлого, настоящего, будущего в линейности познания. То, что ранее время вообще воспринималось совершенно по другому, как единой системы отсчета его и вовсе не существовало, был только процесс, – как-то позабыто. Размытость цели, как таковой, и ее отсутствие компенсируется функциональностью, как самой жизни человека, так и рода его заня-

тий, который опять же увязывается для него в какие-то временные рамки. Все выглядит как система зачета и незачета. Места для индивидуального понимания времени нет вообще, а для индивидуалистического, эгоистического тем более. При этом базисные основы зачета всего человеческого оставлены без существенных изменений. Самому широкому кругу лиц до сих пор неясно, что существование превращено в качественное отличие в зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе. Прогрессивность и новизна могут существовать только относительно индивидуума, но никак не в отношении абсолюта единого рода человека. Там, где есть человек, плененный общественной формой познания, там, где мы имеем дело с человеком, полностью персонифицированным общественным, там нет и не может быть восприятия нового в адекватности его последующего становления. Может быть лишь оголтелое отрицание по невозможности восприятия, враждебность без оценки качественного, насмешка. Общественное не может воспринимать новое, оно может лишь быть подвержено новому, преобразовано этим новым по праву сильнейшего, ибо развитие общественного – это форма копирования и заимствования на основе механизмов естественной изменчивости.

Новое и прогрессивное создается индивидуальностью, для которой это новое и прогрессивное ни в коей мере не является ни благом, ни тем более лучшим по отношению к общественному. Для личного новое это всегда шаг назад, это

всегда исключенность из общественной жизни, из общественного процесса построения и воспроизведения. Это одиночество и невозможность быть прижизненно оцененным. Такова природа создания нового, которое отнюдь по определению не есть еще общественное, или в какой – то степени принятое общественным. Вопрос о том, что для общества благо в новом тоже не совсем достоверен. Закрепление за новым, в особенности за новым, которое приняло форму общественного, формы лучшего, это вопрос легализации своих действий творческими личностями – победителями. Внутреннее, что вновь отстроенная форма общественных отношений является лучшей – это форма успокоения и сглаживания вновь возникающих противоречий социума, которые необходимо генерируются в революционной картине изменения социального. Это касается всего, начиная от первых демократических революций, и заканчивая введением безналичных расчетов и денег. Здесь немаловажную роль играет уровень доверия нынешнего среднего человека значению, которое ему сообщают. Если ранее жизнь человека была зациклена на многовековые процессы, которые приобретали свою титульность от Бога, то с появлением нового, новейшей формы мышления и оценки действительности единственным гарантом достоверности значения для человека стала система государственных отношений. Более того, само государство в некоторой степени зависит от авторитетности своего суждения. Если ранее классика понимания государственно-

го учила тому, что авторитет государственной власти ничтожен и он никогда не сравнится с авторитетом первобытно-общинного строя, то сегодня роль авторитета власти в государственном строительстве абсолютна. Государство вынужденно завоевывать авторитет у граждан, а, соответственно, заинтересовано в таких гражданах, мнение которых не стоит ничего, и способность которых к суждению невероятно низка и практически сведена к нулю. Необходима система автоматизированных координат, реализация которых автоматизирована до абсолюта и поэтому несложна в понимании. Положительно – качественное отношение ко всему новому и прогрессивному, одобренному государством как квинтэссенцией общественных отношений здесь незаменимо.

Но задумаемся, так ли уж мы прогрессивны? Где же критерии прогресса? Что является методикой и методом определения прогрессивности? Улучшения, новизны? Сообщает ли современность что-то такое индивидуальному, что, несомненно, улучшает это индивидуальное. Или задача в корне неверна и прогрессивность и улучшение происходит не относительно индивидуального, а в отношении группы каких – либо других ценностей и ориентиров? Для человека не произошло никаких позитивных изменений в отношении его качественного состояния. Если брать линейку состояния человека во все времена, то следует отметить, что человек никогда не был так несвободен, как сегодня. Добровольное рабство. Рабство идеи социального устройства, благополучия,

статуса, соответствия, социальной полезности и необходимости похитило все у человека. В том числе и способность свободного, открытого противостояния. Если ранее право рождения и детерминизм были уравновешены возможностью колонизации открытых земель, мятежом, простым уходом от общественного, то сегодня нет места собственности духа. Все покрыто и пропитано сетью общественного понимания и общественных порядков и ценностей. На карте все меньше белых пятен и их уже почти не осталось. Флибустьеры выродились как вид. Состояние покоя, единственное к чему стремится человек, недостижимо. Равновесие внутренних представлений о том как должно быть и бытие в действительности, соответствующее внутренним ожиданиям, сегодня практически невозможно. Современный индивидуум это субъект, включенный в вечную гонку, это путник, стремящийся пересечь линию горизонта.

Свобода воли как декларация превращается в мощный регулятор общественных отношений при том, что объект воли и ее проявлений полностью принадлежит структурируемой общественной форме. В современном мире все принадлежит государству. Нет ничего, что не было бы подтверждено государством в той или иной форме, начиная от брака и заканчивая деньгами, которые по сути есть долговые расписки государства.

Новое как благодать. Заблуждение, которое в своей реализации привело к миру, в котором нет места не только ис-

тине, но простому здравому смыслу. Мир, кастрированный в области проявления своих страстей и от того импотентный на личностей. Любая индивидуальность достаточно яркая, способная к революции – однозначно чужда современности, ибо современность со всей мощью новейшего и технического стоит на пороге катастрофы, что и сама осознает в достаточной степени.

Естествознание заменило нам гуманитарное объяснение устройства мира, но не дало предельного критерия для мира чувственного, для мира действия, действительного. Если ранее гуманитарное объяснение мира как чуда, как творения Господа, упиралось в коррелирующую составляющую человека, его повседневную бытийность, то сегодня все можно скрыть и все можно приукрасить таким образом, что самое чудовищное будет благом, а самое благое станет чудовищным. Как будет выглядеть мир через 5—10 лет – это уже загадка, да и будет ли он. В этом ли, собственно, прогресс новых богов технического? Если бежать к пропасти будучи уверенным, что спасешься можно бежать вполне радостно, но человеческое, сущность человеческого, составляют такие простые принципы как *встречность* и *подобие*. Они могут называться как угодно – формой сопереживания, единобытием и так далее, но человек там лишь человек, где он включен в систему организации себе подобных. Отсюда и все психологические экзистенциальные кризисы взросления, и страхи одиночества и так далее, и тому по-

добное. Кто же сегодня это подобие? Нет, в сегодняшнем улучшенном мире все внутреннее, все подобное, отнесено более к сфере психоанализа, к сфере социального отклонения, любое проявление чувственного, подлинно душевного, больше относится нами к неуравновешенности и неврастении, чем к тому, что должно быть в социально – активной сфере. Подобие образам и маскам, нареченным и расчерченным средствами медиатизирования (телевидение, газеты, интернет и прочее). Человек как «третий человек» Платона, вечно недостижимое и познаваемое исключительно через призму имущественного, – это основа устройства бытия, которая была еще в Древнем Риме. Так ли уж прогрессивно это сегодня? Но не забудем, что государство отняло у нас право на завоевание и насилие, оно даже отняло право на убийство ради чести – единственно подлинный капитал Человека Разумного. Все, что остается нам сегодня – роль просителя. Нам внушают, что блага цивилизации выросли настолько, что я как современный человек могу больше, чем ранее жившие. Но, если мои возможности и выросли в сто раз, то возможности государства и общества в его лице выросли в сотни тысяч раз. Кто я как личность в социуме, где существует только то, что названо, при том, что называется только то, что исключительно выгодно государству, обществу?! Культивируются и конституируются только те ценности, которые управляемы, которые доступны для восприятия общественного, отношения стоимостные, пра-

во и власти-притязательные. Но никто не отменял законы естественного отбора. В современном обществе любая индивидуальность есть аномалия, которая просто не выживает на фоне активных личностей, занимающихся общественными формами жизни. Это ли есть прогрессивность и улучшенность? При этом переубедиться в обратном невозможно, потому что человек современного типа, который в повседневной жизни даже на землю ногой не ступает, а ходит исключительно по асфальту, не говоря уже о том, что весь его быт состоит из достижений научной мысли естествознания, в своей действительной жизни полностью принадлежит общественному. Более того, уровень техники и мира вещей требует именно включенности разума настолько, что на анализ и прочее не остается времени физически. Если ранее жить в определенной социальной прослойке означало весьма мало знать о другой социальной прослойке, то сегодня в части того, что касается потребления все знают все и о жизни миллиардеров, и о жизни королевских семей. Есть к чему стремиться. В то же время такие ценности, которые веками помогали жить и выживать – умеренность, золотая середина, добродетель, сдержанность, вера, – просто растоптаны и стерты. Счастье видится как возможность вечного марафона. Та составляющая, которая называется душой сведена к словоупотреблению. Но человек животное, такое же, как и все остальные, со своими потребностями, заданными ему от природы ровно в той степени, в какой природа задана

ему, — неизбежно. Никто не отменял страха смерти и форм его подавления, предельности самоиндивидуализации, истины как состояния мышления, при котором не может возникать никаких противоречий, запроса на единение с миром в предельности собственности возможности его понимания и ощущения. Современное общество в наименьшей степени удовлетворяет данные потребности, а правильнее было бы сказать, не удовлетворяет их вовсе. В то время, как общественное — это сумма сложения внутренней необходимости неограниченного количества лиц, объединенных единством времени и пространства. Не потому ли все больше людей уходит и сбегает не с территории, что сегодня весьма сложно, но из собственности духа (наркомания, алкоголизм, сектантство, терроризм, организованная преступность и прочее)?

Но в общем — то личность всегда сама определяет себе меру возможно — должного и на нее, наверное, не стоит опираться как на меритель меры. Общество... Так ли велик прогресс, форма улучшения общественного за счет новизны в отношении прошлого и есть ли вообще новизна? Качественное отличие, как по-системе организации, так и по уровню мобильности, безопасности? Сильно ли современное государство выигрывает по-сравнению с предыдущими периодами? Мы здесь даже не будем касаться критики деления периодов истории и не будем подвергать сомнению факт отличия современного от предыдущего. Еще раз оговоримся, нелинейные концепции развития общества и теории

локальных цивилизаций не составляют конкуренцию мифологии современности, которая потому и является мифологией, что аксиоматично определяет наличное бытие массы неперсонифицированных субъектов современности, служит основанием и мотивом принятия решения любого члена общества по вопросу, включенному в сферу мифа. Эта мифология развития человечества однозначно сегодня учит тому, что сейчас лучше жить, чем скажем 100, 1000 и 10 000 лет назад. Так дети считают себя умнее и лучше родителей.

Если сравнить темпы роста научно – технического прогресса со времен локальных цивилизаций, изобретения письменности, «именной культуры» (М. К. Петров) и до начала XVII, а можно XIX века, то мы с необходимостью обнаружим тот факт, что развитие общества, которое можно отследить по форме его организации (государству) неизменно регрессировало.

Что есть прогресс для такого образования как государство, общество? С учетом того, что данные образования являются иллюзорными понятиями в той же степени, в которой они есть необходимость, следует воздержаться от их определения через целеполагание, тем более политическое. Данные конгломераты парадигм действительного существуют в своей закономерности развития и любой внешний фактор (например, все тот же фактор личностного) влияния, который на первый взгляд для них является чуждым, на самом деле, является одной из системных постоянных. Чужерод-

ность здесь является своего рода качественной характеристикой фактора явления и по-существу антагонизма не образует. Как и любое явление, определяющие себя в рамках времени и пространства, существующее в заданности значения, общество (и форма его структурированности – государство) могут прогрессировать или регрессировать в отношении категории сходства и различия по отношению к среде своего развития, конкурентной среде. Абсолют доминирования в заданности территории, времени и значения по-сути означает утрату среды обитания, ибо в данном случае само образование подменяет среду, поглощая ее. Абсолютное существование вне рамок среды обитания возможно только в идеальном плане, как идея. При том, что государство является бытием в возможности права, а право есть бытие в действительности государства, являясь в то же время воплощением ценностей общественного в тот или иной период времени, нам придется свести бытие государства и общества к представлению о них неограниченного круга лиц. Но данная теза порочна. В различные периоды времени государство и общественное были персонифицированы, символизированы и индивидуализированы совершенно различным образом, но всегда при этом реальность существования государственного и общественного доказывалась индивидууму самым недвусмысленным образом, снимающим все экзистенциальные сомнения последнего (изгнание, остракизм, смертная казнь, лишение свободы и прочее). Поэтому

му мы трижды можем доказать, что государство и общество не существуют в области действительного как подлинность соответствия понятийного плана – расстановка возможности применения организованного насилия в отношении отдельно взятой личности не изменится. В крайнем случае, может измениться формальная сторона (не правосудие, а открытая месть, не управление, а война и так далее). Далее в первом приближении следующим образом определить прогресс, по крайней мере в системе управления, – чем больше управляемость за счет убежденности и добровольности объекта управления в отношении целей субъекта управления, – тем лучше и прогрессивнее управление. Первейший инструмент власти таким образом – убеждение, и в крайнем случае принуждение. А наивысшая форма прогрессивности таким образом – жгучее желание объекта управления исполнения команды управляющего, понимание управляемым результатов управления как высшего блага для себя. Отсюда и определение управления как деятельности субъекта в интересах объекта управления. Отсюда и патерналистские концепции управляющих (правитель – Бог, отец народа, лучший друг и так далее). И с этой точки зрения все выглядит достаточно прогрессивно в линейности концепции развития общества. Сначала рабовладельческое государство. Для каждого, кто хоть когда – нибудь содержал рабов, понятна ужасающая невыгода рабовладения. В современности, например, только очень богатый и состоятельный человек может себе поз-

волить раба. При этом рабство понимается нами как гласное публичное безволие раба по отношению к хозяину, плюс прочие атрибуты. В зависимости от способа подавления воли, рабство может быть обеспечено кандалами и надсмотрщиками, либо непосредственным психологическим давлением и принуждением – это, суть, методика (в любом случае внешний контроль рано или поздно переходит во внутренний). Рабовладение чрезвычайно утомительно, так как требует само по себе ужасающего внимания в отношении тех, чьим хозяином являешься. Если загоняешь рабов до смерти, то неминуемо жди бунта, если предоставляешь щадящий режим, то жди бунта еще скорее – человеку имманентно свойственно расширять границы, как своей власти, так и свободы. Гласность и публичность статусов «раб» и «рабовладелец» порождает неминуемую энергетику агональности, степень алектности которой может быть снята только в рамках экзистенциального конфликта. Находиться в состоянии вечной войны может быть и было возможно, но только до периода современного. Рабство сохранялось со всеми атрибутами вещной принадлежности (вплоть до права жизни и смерти) до тех пор, пока не появились мануфактуры, коллективное унифицированное производство, огнестрельное оружие как форма основного оружия в армии (построения, системы залпового огня). Именно в это время рабовладельцы осознают, что человек не должен быть *физически искалечен* наказанием (внезапная отмена телесных наказаний); он должен

быть мало – мальски грамотен (уровень техники потребовал возможности восприятия технических норм, закреплённых текстуально), сыт и благонравен, чтобы не обратить технологию вооружения против управленцев. Изменение технологии потребовало изменения формы управления, формы рабовладения. Хитроумным выходом стало рождение идеологии свободы, равенства, братства, демократии и прочее. И здесь казалось бы прогресс. Страх наказания был заменён желанием соответствия стандарту. Механизмы абсолютной встречности и подобия (*res vocalis*) заменены иерархическими ступенями (сословия, табель о рангах и прочее), механизм принуждения – стимулом потребления. Рабы стали самоуправляемыми и послушными идеологии стандарта, а не кнута. Девиантное поведение усекалось системой правосудия, суды выделяются в отдельную власть, функция которой только в том и заключается, что снимать социальные противоречия действительного по отношению к общей Идеологии. Структурирование последней строится по принципу негативной свободы «разрешено все, что не запрещено», запретом выступает уголовный закон, который структурирует негодование рабовладельца в понятие преступного, преступления. На фоне идеологических лозунгов и прочего картина управления становится совершенно идеальной, наступает золотой век согласия и свободы, который, правда, длится совершенно не долго. До тех пор пока не подрастают дети освобождённых рабов. Узурпировав все каналы распро-

странения информации и значения, государство не учитывает, что в семье, в рамках семьи, изменения не происходят вообще, так как семья понимается как личное, как форма отношений власти для всех, кто находится под властью главы семьи. Ценностные ориентиры новой формы управления не циркулируют внутри семьи. Более того, изменение в рамках семьи невозможно, потому что это не просто строго персонифицированный круг участников, но круг, не приемлющий безразличия – основу бытия людей вместе. В семье все волнительно, все является формой личного дела и участия. Демократические нормы и принципы там не приживаются. Новое поколение выросшее со старыми стандартами и установками «раб» и «рабовладелец» совершенно не готово понимать «систему демократии». Оно похоже на льва в клетке, которому наивный посетитель зоопарка протягивает через прутья решетки кусок мяса в руке, оно не берет мясо, оно откусывает всю руку. Демократия превращается в шаткую и неустойчивую форму организации, так как государство теряет рычаги управления с ростом таким образом социально ориентированных субъектов. Повышается уровень образования для детей, открываются общественные школы, делается упор на просвещение, ищут народных героев. На время это снимает напряжение. Но просматривают опять же вопрос семьи. В итоге получается ужасающий гибрид. Если ранее это были просто недовольные люди, которые не находили выход своей энергии, поскольку не обладали механизмом

государственного управления, то теперь это были недовольные образованные люди, посвященные в таинства военного искусства, технологического устройства, социально опасные и волевые. К тому времени умирают Великие притворщики, им не удастся вырастить Александра Македонского по образу их кумира Стагирита, но в этом тоже никто не видит «особой» проблемы. Политическая система становится неуправляемой. То здесь, то там вспыхивают глобальные конфликты «одинок», которые такими остаются до конца своих дней потому, что все им чужое. Правители в ужасе блокируются от проблем сознания силой полиции, коалиций с себе подобными, но процесс деструкции уже неизбежен. Государство теряет управление, государство превращается в цель любого, ибо служит средством и надеждой на разрыв между возможным и действительным в судьбе такого «любого». Мы подходим к XX веку. В это же время рост телекоммуникаций отбирает у государства последнее – предельность финансового контроля. Значение, закрепленное в деньгах, окончательно покидает область государственного и сосредотачивается в руках субъектов «свободной деятельности». Противоречия социального достигают апофеоза. Труд человека обесценивается в силу его социальной незначительности, один не может ничего, он потерян, так как изъят из системы управления, человек не чувствует, что им управляют, сам человек управлять собой не способен. Объем доли религиозного управления никоим образом не справляется с системой ро-

ста технологий, религия за своими стенами храмов просто не знает технологий. Политическая импотентность руководства церкви (им было лень обучаться, лень вникать, тактика Иисуса как гениального агента Бога была позабыта) решает все. Человек покинут и брошен всеми, смена информационных технологий, разрыв поколений оставляют его в ситуации первобытного страха перед неизвестным, он как будто бы в диком лесу. И это все на фоне безмятежности Востока...

Как справедливо отмечали великие, выход был один. Опять же одиночка, опять же образован, опять же любил семью. В XX – м веке государство вернуло себе, пускай и в искаженном виде то ради чего старались Великие притворщики. После ряда разрушительных социальных катаклизмов формализация власти приобрела столь ужасающий характер, что проявление любого личного, любого индивидуального, стало в глазах управляемых признаком слабости, безвольности, разрушительного начала для государственного. Архаичный институт лидерства одного стал явной насмешкой, но управление продолжало сохраняться. Благодаря чему? XX – й век превратил управляемого в вещную атрибутику, не имеющую ничего общего с личностью, личным. Современный человек это социальный шизофреник, рассеянный в области времени и пространства. Он есть существо, загнанное в область долженствования везде, в том числе и в своей семье. Великая вещь (телевидение) создала единое поле и методы структурирования образов и личностей.

Единство образа и стиля мышления позволило не только инстинктивно изучить то, как структурируется сознание человека, но и методом проб и ошибок нащупать пускай и топорный но все же действенный способ управления склонностями и намерениями. Наконец был убран и уничтожен главный враг государства – пространство семейной жизни. Сегодня государство вторгается во все, начиная от технологии секса, того, как это необходимо делать, с какой тщательностью и что при этом должно использовать, и заканчивая онлайн психотерапией неограниченного круга лиц. Затем интернет, мобильная связь... мифология достигла прекрасного уровня развития. Сегодня телевидение играет роль рассказчика мифа, и объем мифологических историй так же похож – он пока охватывается знанием отдельного индивидуума (все смотрят одни и те же фильмы и их объем достаточен для памяти одного). Государство рассказывает мифы о себе, о своих служащих, восстанавливая картину того, что оно из себя представляет. Не все гладко, но безусловно одно – человек уже не одинок социально, он не наедине с своей судьбой, у него может быть форма «общительного одиночества», он может быть отвергнутым, он может стремиться к чему – то, но никогда он не осознает уже своего предназначения быть одиноким в своем стремлении к владению государством. Изменилось само государство, оно уже не инструмент, оно опять форма социального устройства. Но вот только какая? Прогрессивна ли она по отноше-

нию к тем формам, которые были до Великих притворщиков? Никогда еще государство, государственность, настолько не зависела от мнительности и импульсивности человеческого мозга. Если ранее государство управляло субъектами, каждый из которых имел свой собственно уникальный опыт и свое собственное представление, унифицированное в крайнем случае орудиями общественного производства и религией, то сегодня клишированность и штампованность форм мышления и узнавания действительности приобрела чудовищный характер. Управление стало управлением не областью действительного, а областью души человека, заменив его душу средствами управления. Отсюда не социальные девиации в форме отдельных преступлений, которые были по сути единичным сбоем в программе общего, а появление таких форм параллельной организации общественного, как организованная преступность, террористические организации, секты и прочее. При этом данный спектр социума заимствует наиболее архаичные формы устройства военных типов, растет и организуется по типу военных демократий Древней Греции. Но по – прежнему остается опять же вне досягаемости государственного, так как сама правящая элита организована точно таким же образом – как военное образование, враждебно настроенное ко всему чужеродному, не своему. Является ли прогрессивностью для государства полная самоизоляция в части своих активных элементов и полная неуверенность данных элементов относительно

ближайшего будущего. Вечная балансировка на грани падения, вечное понимание себя, как явления высшей степени временного, ненадежного, параноидально – пугливого в отношении любых призраков прошлого и абсолютно слепого по отношению к реальности угроз настоящего? Без четких внешних ориентиров, с безграничной властью над рабами, но без возможности заявить об этой безграничной власти во всеуслышание, а только тайком вечно обманывая «общественность» применять ее в отношении исключительно конкретных людей, и таким образом не видеть идеи, персонифицирующей массы? При этом любое столкновение для государства такого типа с социальными механизмами изменчивости – смертельно. Не говоря уже о сумме внешних опасностей. С учетом ротации власти, с учетом того, что изменить себя система не может, так как новаторство это дело личностей, а любая личность на пути к государственной власти уже формализуется самой властью и личностью быть перестает. Все пути легального насилия уже невозможны, вооруженные мятежи – смешны. Изменить государственное некому, поменять принципы невозможно. Это прекрасно чувствует каждый служащий на примере аппаратчиков. Каналы распространения идеологии уже утрачены (обычный человек у телевизора не выдерживает и 5 минут научного текста, обращенного к его активной способности мышления). Государство сегодня это мономашина, стремящаяся в неизвестном направлении, руководствующаяся какими – то ми-

фами о благоденствии, равенстве, свободе счастье и прочее. Полностью отрекающаяся от своей природы инструмента для власти, борьбы и тем самым отдающая его в руки будущих государственно – подобных образований (организованная преступность). Если жизнь человека – вечный (ни одна вечность не длится дольше жизни человека) путь к смерти, а умирающий наиболее прогрессивно близок к задаче, то сегодняшнее государство – в точке своего максимального прогресса. Логика абсурда.

При этом обычно – повседневный человек по – прежнему даже в государствах посттоталитарных пребывает в убежденности идей справедливости, заботы государства о мере должного и возможного, не видит никакой причинно – следственной связи между доступными ему механизмами народовластия и процессом управления в государстве. Те же, кому уже давно привита эта мифология свободы демократических ценностей пребывают во сне до сих пор, подобно детям, упиваясь мифологией и сказками, которые и составляют их культурное наследие. Чуждые всякой воле, всякому акту воли настолько, что могут воспринимать волю не иначе как в государственно – подобном виде, отрицая за собой собственное притязание на естественные права, заданные самой возможностью их реализации. Я имею в виду Европу. Государство сегодня настолько запуталось в концепциях, настолько доверилось идеологиям, что неизбежно самоизолировалось от объекта управления и провело кастрацию

в отношении возможности проявить волю в самое себя, допустить до себя *личность историческую*. Последнее вполне оправданно, учитывая, что каждая такая историческая личность устраивала чистку этнографического материала (своих сограждан). В итоге мы можем с уверенностью утверждать, что определение сегодня качества лучшего, прогрессивного по отношению к прошлому – явная натяжка. Впрочем сама пропаганда государственного не отрицает этого, до сих пор многие правители мечтают создать, а точнее повторить то, что существовало ранее, завидуя *тем* механизмам управления и структурирования социального.

Если же оценивать общество, совокупность индивидуумов и государство как единое целое, неизменно сравнивая прогрессивность сегодняшнего с прошлым, то и здесь мы не находим ничего, что свидетельствовало бы о явно качественном изменении. Наши научные достижения современности в сравнительном анализе с теми же постройками пирамид, древних городов, храмов не выдерживают сравнения. Следует отметить, что эффективность прошлых форм организации социума была намного выше нынешней в части материально – технического конечного выражения. Отчасти это обусловлено и тем, что таинство управления превратилось в доступность всех и каждого, а по своему факту оно сведено к примитивному режиму секретности (это в информационном – то обществе), а целями государственного бытия признается счастье отдельно взятой личности, ее благо-

денствие. Но и этот гуманистический подход не выдерживает никакой критики. Предписывая какие – то качества человеку, которые должны быть для него по мнению государства основными и желательными, управляющее звено likвидирует возможность не только прогрессивно – индивидуального развития личности (естественный отбор, самосовершенствование и прочее), но совершает ошибку в планировании, так как нельзя отождествлять промежуточный результат применения стратегии (уровень жизни человека) и стратегические сверх цели государства. Превращать же их в коммерческие показатели и сосредотачивать на этом государственную власть, это значит отказываться от самого существования власти, превращаясь в ростовщика, прибегающего к насилию.

А как обстоит дело с нашими знаниями о мире? Они же явно отличаются новизной и прогрессивностью, они же есть предтеча и основа современного роста как экономики, так и технологий автономного плана (военный комплекс, медицина и прочее)? *Мысль не существует вне бытия, а бытие вне мысли.* Интереснейший вопрос, в состоянии ли сегодняшний человек иметь достоверное представление о том как устроены социальные механизмы в их единстве, доступном для повседневного восприятия? Если ранее индивидуум имел исчерпывающее представление о том, как устроено общество, как с ним взаимодействовать, чего необходимо однозначно избегать, что является гарантированностью

результативности, то сегодня содержание идеального в любом предмете повседневного зашкаливает. Обычный человек, в том числе получивший высшее образование, просто не способен разбираться во всем, начиная с устройства собственного транспортного средства, и заканчивая глубинными знаниями той профессиональной области трудовая деятельность, в которой приносит ему деньги. При этом все кругом является формой опредмеченных мыслей человечества. Все, включая даже траву и деревья, – это муниципальная собственность, разрушение которой является правонарушением. Здесь любопытная вещь. Предполагаю, что сегодняшний мир так называемого естественно Научного знания в своем роде есть шаманство высшего порядка по своей сложности исполнения. Аналогия с первобытными временами, когда человек мало, что создавая жил фактически во враждебной ему среде и был принужден заклинать окружающее (ритуалы, тотемы), очень сильно напоминает форму взаимодействия с действительным индивидуума и сегодня. Разница лишь в том, что мы знаем, что окружающее нас – продукт деятельности других людей, в точности опять же государства. Но так же и первобытный человек был уверен, что окружающее его – продукт деятельности верховных божеств, к тотему которых он принадлежит и коими охраняется. При критическом отношении к нашей современной уверенности о том, что нам известно как устроен мир, становится вполне досягаемым сомнение относительно того, что сами

сведущие ученые вполне адекватно понимают чем они занимаются и какого рода апории решают. Практические результаты безусловно прекрасно, но их оценка принадлежит области функциональности и вкуса предпочтения. В схеме же познания *«человек – внешний мир»* современная наука ничего не меняет, она, как и древний шаман, призывает нас поверить и уверовать. При этом у древнего шамана было безусловное преимущество театрализации, так называемая повышенная степень алеантности, в то время как голос ученых сегодня – весьма далек, правда, их мало кто о чем – либо спрашивает из простых людей. Разрыв в объеме информационного, идеального только на руку современным толкователям естественно – научного порядка. Никто из «обывателей» не будет тратить половину своей жизни на верификацию тех или иных положений, доказанных, практически апробированных и т.д., и т. д. целым коллективом ученых, да еще и при государственной поддержке. Это последствия неусвоенного урока XX-го века, когда и фашизм, и коммунизм убедительно научно доказали целый ряд положений, который потом в одночасье победителями этих режимов был высмеян и оплеван. Современный человек настолько лишен возможности познавательной функции окружающего его мира, что в отличие от первобытного человека его даже не приглашают на представление, к нему даже не обращаются как к тому, кому и надо что – то доказать, что – то объяснить. Рабство веры, как следствие отсутствия каких – либо сомне-

ний, превратило современного человека в существо намного худшее, чем плебей, ибо и воспроизведение рода так же отнято ростом научно – технического прогресса. И странная вещь, при общем анализе достижений научной мысли современности мы так же не находим достаточно единой концепции, хотя бы органа познания, который позволил бы нам сказать, что современные теории в том числе естествознания хоть в какой-то степени новее и лучше объясняют сами по себе устройство мира. Это плюрализм антагонизмов, порой взаимоисключающих друг друга. И тут наука обнаружила подлинную действенную сущность мифа – синтезировать невозможное в форму должного, актуально существующего. Я имею в виду теорию конвенционализма. Этот проигрыш естествознания, впрочем также не был должным образом оценен современным человеком. Слишком много околоточных теорий вокруг него было выстроено. Но сущность мифа именно в этом. Достать до предельности страхов и переживаний человека, рассказать ему, что все противоречивое, все непримиримое, все, что кажется абсурдом может иметь место в действительности и даже более того – уже имело место в действительности. Отсюда и причудливые сюжеты старых, древних мифов. Они подчеркнута направлены в область физиологическую, ибо тогда уровень выживаемости индивидуума всецело детерминировался уровнем его физического здоровья и ключевых навыков с ним связанных (охота, война, экстремальные ситуации). Современные

мифы, как мы видим, сложнее и структурнее, обращены они не к физиологии, они устраняют совершенно другие страхи.

Миф новизны, прогрессивности, неизбежного улучшения понадобился тогда, когда стала очевидной неизбежная катастрофа представлений Великих притворщиков. Со времени демократических перемен к концу XIX века стало очевидно, что общество уничтожает все способности личности к самостоятельной организации своей жизнедеятельности. Очевидность этого не вызывала сомнений, и весьма точно зафиксирована Хайдеггером, Ницше, Шпенглером, Фроммом, Фрейдом и рядом других мыслителей. Но основа этого лежала в том, как структурировали свою легитимность первые революционеры, создатели нового своего образа жизни и правления. Политическое управление к концу XIX века приобрело уже все черты сакрализации. Государство стало Богом, который окружил себя служителями культа и отношение к нему самого большого носителя бытия в возможности (народа) такое же. При этом рядовому человеку с каждым разом, с каждой новой реформой становится жить все сложнее и труднее. Вопрос выживания в социуме впервые по своей остроте приблизился к периоду рассвета человека как биосоциального существа. Первобытному человеку было и то легче выжить, чем человеку современности. Социальная адаптация по своей скорости не могла сравниться с уровнем быстроты изменения окружающего. Тогда – то миф о том, что новое исходящее из области общественного –

неоспоримо лучше для человека и был превращен в аксиому. Сегодня это положение усилено массой примеров уровня жизни. Хотя добрая половина тех, кто сегодня принадлежит к золотому миллиарду не понимает, что лучшее может быть соотнесено только в отношении стабильного по отношению к жизни в целом. Параметры же успешной социализации сегодня однозначно предполагают возможность в любой момент оказаться на самой низкой ступени социума, скатиться либо в неизбежную нищету, из которой уже не вырваться, либо совершенно изменить сферу собственной парадигмы бытия (тюрьма). Это характерная черта именно современного социального устройства. Если ранее накопленные материальные блага, или полученное образование являлись своего рода гарантией успешности и, как минимум, гарантией стабильного существования, то сегодня материальное состояние любого уровня не может гарантировать успешность в будущем. При этом развитие общественного не может быть остановлено, какая – либо реформа здесь просто невозможна и всегда обратима, любая война по типу двух мировых войн, которая снимала бы противоречия по кругу субъектов, сегодня так же невозможна из – за силы оружия. Однако можно предположить, что как только будет достигнут уровень вооружения, позволяющий успешно противостоять ответному ядерному удару, военные конфликты с применением обычного вооружения вновь разгорятся с ужасающей силой.

Спасение из этой мифологии и подлинный выход к разумности может быть только в том, чтобы освободить большую часть населения от представлений о прогрессивности и разумности, улучшенности современного устройства. Современный человек по своему положению бесправнее самого забитого раба античности. Именно поэтому, наверное, в современных тюрьмах у современных людей появляется истинная свобода. Лишенные чуждой им ослепляющей идеологии современности, подверженные систематическим физическим испытаниям, сплоченные перед лицом внешнего врага, люди обретают в себе право на заявление собственных суждений, оценок и прочее. Не все, но очень многие. Да и сама тюрьма сегодня напоминает по устройству управления государство до – современного периода. Есть правитель – начальник тюрьмы, который какими-то неведомыми нитями связан с Богом (государством), является его «помазанником» (ср. жаргон «замазать»), говорит от его имени, руководствуется его интересами, обдывая свои делишки. Есть стражники, есть рабы, есть писанные и неписанные законы, есть ясность и четкость повседневности жизни – режим, уклад жизни. И есть наконец вера в другую жизнь после тюрьмы (раньше – вера в спасение после смерти), есть отголоски и явления этой жизни (ранее – воспоминания неинициированного периода, детство индивидуума). Главное – сознание живет в изоляции необходимости ограниченного участия в общественной жизни, в остальном же оно предоставлено само-

му себе полностью. Именно таково было до – современное устройство жизни. Разница лишь в том, что свобода существовала в рамках загробной жизни.

Автономизация индивидуума сегодня так же возможна. Сегодня даже создана благоприятная почва для этого. Правда, с одной стороны все больше людей выросли и подпитаны современной идеологией всецело, но с другой стороны все большее количество людей не видя различий между государством и социальными образованиями государственно – подобного типа примыкают к последним, что может быть благотворной почвой для Нового мессии, если миф о нем будет конечно своевременно создан и структурированы критерии его опознавания, а главное цель, ради которой он должен быть. Ветхий Завет в этом отношении совершенно правильно структурировал представления о мессии. Четко прочерчено каким он должен быть, ради чего он должен быть, и каковы должны быть его действия в отношении тех ради кого он должен быть. Подобные фигуры, если предусмотреть их в системе, изначально позволяют устранять серьезнейшие системные кризисы, а главное абсолютно безобидны, так как заранее структурируют алгоритм возможных изменений.

Современность в этом отношении не так мудра и поэтому спасение для современного человека не предусмотрено мифологией. Человек предоставлен сам себе и поэтому рассчитывать ему необходимо только на самое себя. Рост наркомании и алкоголизма при этом неизбежен, поэтому можно

говорить о естественном вырождении современной Западной цивилизации. Удивительно то, что так называемая пропаганда борьбы с данными явлениями только усиливает круг их участников, что остается абсолютно незаметным для современности. Совершенно позабыт архаичный принцип мифа «существует только то, что названо», который в свою очередь порождает древнейшее правило – не упоминания, молчания по известному кругу вопросов. Рассмотрим это на примере таких заболеваний как наркомания и алкоголизм.

Изначально в Западной культуре употребление наркотических средств, алкоголя (далее скажем психотропных) было составной частью элемента культуры повседневного и обычного. Санта – Клаус как форма опознавания мухомора и вызываемых им галлюцинаций полета у Северных народов, полеты на метле как результат употребления наркотиков через слизистую женщины, сакральные обряды орфиков, позднее переродившиеся в оргии. Надо ли говорить о том, что Греческая философия, рожденная в пиршествах при значительном употреблении вина не могла бы на трезвую голову вызывать желания приобщения в мире занятом войной и повседневными делами. Изначально все данные мистерии в своем роде были обрядами очищения и прихода к тому, что являлось подлинно личностным и составляло существо человека. При этом данные пиршества и в более позднее время позволяли заинтересованным лицам обнаруживать предателей,

шпионов, болтунов, да и просто служить разведывательным целям. Употребление психотропных веществ в праздничные дни, в особо знаменательные даты (внутренние праздники – дни рождения и прочее) служило так же целям возврата личности к своим основам, снятию накали социального. Культура питья совершенно допускала демоническое поведение, в военных условиях оно безусловно приветствовалось. Но только современность позволила дойти ситуации до того уровня, когда такая вещь как алкоголь и наркотики из великого блага, из элемента культуры, тысячелетия сопутствующего человеческому превратились в пагубное зло, наличие которого безусловно свидетельствует о внутренней деградации личности. Я не буду подчеркивать тот факт, что только с ростом современных технологий в области химии появились препараты, действие которых разрушает личность вне зависимости от своей дозировки и длительности приема, не будем так же акцентировать внимание на том, что и множество спиртных напитков сегодня – тоже удивительнейшее достижение научной мысли. Остановимся на факте идеологии современного, а точнее мифологии. То, что сегодня подавляющее большинство взрослого (от 12 лет) населения Западной цивилизации больно алкоголизмом и наркоманией есть опять же следствие не понимания современностью социальных механизмов преемственности представлений применительно к двум аспектам – становление личности (временной фактор) и семьи (пространство). Универсализа-

ция линейной системы восприятия времени «прошлое – будущее – настоящее», при том, что период настоящего задан в восприятии личности как безусловное следствие прошлого, а будущее как неизбежность по отношению к настоящему, а социальные механизмы построены в едином времени, привела к тому, что в социуме было потеряно инстинктивное чувство опасности. Данная потеря была усугублена мифом «новое – есть лучшее». В итоге при том, что с одной стороны общественное внушает позитивность нового в области своего развития, по отношению к всему тому, что рождается в обществе, что является его «достижением», этим же обществом совершенно упускается из виду, что в область нового и, соответственно, лучшего для личности в системе временного отсчета как неизбежное будущее попадает и негативное прошлое общественного, со всеми его прекрасными достижениями. Для современного индивидуума вектор временного развития является полностью перевернутым не «прошлое – настоящее – будущее», а «будущее – настоящее – прошлое» при неизменности фактических позиций. То есть то, что для общества является прошлым, все пережитое общественным, весь его опыт в той или иной сфере для личности только предстоит пережить, для нее это представление, которое только должно реализоваться в действительности, поэтому сравнительная связка выглядит как «прошлое общества = будущее личности». Ребенку только предстоит научиться говорить, писать, общаться, найти себя в профес-

сиональном мире и так далее. Будущее общества опять же всецело находится в области прошлого личности. Личность обитает в заданных пространственных и временных параметрах (сон, жилище, деятельность в пространстве). Сумма усилий каждого в отдельности каждый день заставляет эту цивилизацию жить. Но для человека пока есть становление (пока есть то действие, процесс осуществления трудовой ли функции, или просто процесса), нет ставшего (завершенность ли труда, процесса), – такова внутренняя оценка человека, непосредственно участвующего в чем-либо. Для общественного же, под которым здесь может пониматься любой сторонний наблюдатель, заинтересованный в исходе процесса, но непосредственно в нем не участвующий – ничего нет, до тех пор пока нет ставшего. При этом общественное как наблюдатель неизменно процесс становления воспринимает как настоящее, а момент ставшего, завершеного как будущее по отношению к процессу становления. При этом очевидно, что исполнитель сначала завершает, а наблюдатель (общество) затем оценивает. То есть эти два акта неизбежно разорваны во времени в форме последовательности. Поэтому ставшее для исполнителя становления непосредственно прошлое, а для общества будущее. Сильнее всего это заметно в отношении творческого процесса, когда общественному вообще не доступен для познания процесс становления и то, что для него является новым и будущим для создателя является давно уже открытым и в какой – то степени обыденным.

Для простоты понимания – лекарство от СПИДа, представьте, что его уже кто-то изобрел, для него это прошлое, но пока мы об этом не узнаем и пока мы не начнем этим пользоваться для нас это будущее. Таким образом личность и общество зеркально противоположны друг другу в понимании прошлого и настоящего. Единственно в чем совпадает человек и общество – это область настоящего. То есть, если будущее общества равно уже пережитому человеком, уже исполненному им, то настоящее в каких – угодно исчислительных временных рамках задано обоим формам. Никто не властен в области настоящего, ибо оно по своей сути в конечном анализе бытийности есть сумма процессов осуществления тех или иных представлений, результатов осуществления, и в зависимости от этого может быть поделено и классифицировано определенным образом. Это сложно и этим занимается специальная наука (людология), здесь же отметим, что настоящее как настоящее ближе всего к процессу становления, осуществления. В конечном счете, и рождение музыки было детерминировано именно монотонностью определенных действий, воспринимаемых бесконечное количество раз человеческим ухом, созвучие. Концепция развития общественного таким образом выглядит как выбор из достижений отдельных личностей приемлемого результата их деятельности для дальнейшего его внедрения в широкие слои общества (мир как форма опредмеченных мыслей в форме индивидуальных открытий). Развитие личности же, если

она конечно не творческий гений, который нуждается только в самом себе и покое, выглядит как выбор из общественного той социальной функции, в которой данная личность будет себя персонифицировать, и благодаря которой сможет выжить (более всего совпадает с понятием профессии), то есть приобщение к общественному через ту или иную форму участия, познания и так далее. В отношении психотропных веществ таким образом, получается, что личность, живя при этом в ограниченном мифическом пространстве (семья), понимает бытие и алкоголя, и наркотиков как позитивно приемлемое общественное явление. Так как и наркотики, не говоря уже об алкоголе, существуют в обществе достаточно давно. Наркотики и алкоголь как элемент социального однозначно попадают в сферу личного, для которого являются будущим, реализовывая это будущее личность непроизвольно становится участником лотереи. Ее будущее становится зависимым от того с чем она столкнется. Потрясающий эффект, который вызывает употребление психотропных веществ, в схеме реализации по времени, абсолютно убеждают человека в социальной приемственности и полезности употребления наркотиков и алкоголя. И что бы здесь ни говорила пропаганда, они остаются единственными формами общественного, где общество не обманывает человека. Схема чрезвычайно проста и гарантирует результативность, в отличие от другого наследия общественного, которое пусто и раздуто. Ни идея справедливости, ни идея труда, любви, защи-

ценности, ничто другое из багажа общества не срабатывает так, как это. При том, что психотропные вещества возвращают человека к его первоисточкам, связь с которыми современным обществом безвозвратно потеряна, рождается великий антагонизм между обществом и личностью. Формируется второе «я», которое в дальнейшем успешно развивается до уровня уничтожения социальной функции. Так прорывается то, что уже длительное время подавляется современностью. Но и тут современность проявляет себя поистине адекватно. Вместо того, чтобы предпринимать кардинальные шаги по исправлению ситуации, вместо корректировки социальных ориентиров, общество в лице государства объявляет «войну». При чем какую! Государственные акцизы на алкоголь пополняют бюджет, употребление и хранение наркотиков карается уголовным образом! Мотивы ясны. Отупевшим от пьянства легче управлять, так же как и его генетически измененным тупым потомством, тот, кто ранее имел судимость, либо отбывает наказание – вполне «отформатирован государством» и не нуждается ни в каких благах, кроме того, чтобы только успокаивать свой страх снова не оказаться за решеткой. При этом форма успокоения, форма социального побега опять же в большинстве случаев это алкоголь и наркотики, при том, что тюремное заключение еще никого не сделало богатым человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.